

ПОСТРОЕНИЕ «ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ» ПО ВЯЗЕМСКОМУ*

ТАТЬЯНА СТЕПАНИЩЕВА

Обсуждение истории «пушкинской эпохи» и проблем русского литературного канона неизбежно приводит к П. А. Вяземскому. Он был последним представителем «пушкинской плеяды» и осознавал это как миссию. Именно Вяземский начал готовить историю «золотого века» русской поэзии — собирая и публикуя материалы, до нее относящиеся. Об этой стороне деятельности поэта упоминали практически все исследователи, но, как нам представляется, мемориальный проект Вяземского должен быть изучен более внимательно, как личное предприятие по «канонизации» эпохи. Очевидно, что в нем присутствовал и полемический аспект: конструируемая в стихах, статьях и архивных публикациях картина пушкинской эпохи должна была и противостоять концепции Белинского (Вяземским очень не любимого), и составить поучительный контраст литературной современности.

В настоящей статье мы представим начальный очерк проекта Вяземского по построению канона, затрагивая полемику лишь по мере необходимости. Отношения князя с литераторами 40-х гг. и последующих десятилетий изучены сейчас слишком неполно, чтобы можно было делать какие-то общие выводы.

Материалом для анализа станут поздние (от конца 30-х до второй половины 70-х гг.) стихотворения Вяземского мемориально-тренического характера, которые связывают «арзамасского» «журнального бойца» и «литературного аристократа» с престарелым публикатором материалов Остафьевского архива. Именно в них, как нам представляется, Вяземский и фор-

* Статья написана в рамках проекта ЭНФ № 8471 «Формирование русского литературного канона».

мировал собственный литературный и поэтический канон. Анализ этих стихотворений довольно сложен, так как, во-первых, значителен их объем, а во-вторых, качество весьма неровно («инерционность» поэтического творчества Вяземского — пока не решенная проблема).

Чтобы определить координаты дальнейших рассуждений, обратимся к репутации Вяземского (более ранней и поздних десятилетий, когда он остался последним из «пушкинской плеяды») и попытаемся определить его собственное место в «русском литературном каноне».

Он не был «первым поэтом» арзамасского круга, хотя занимал в нем значительное место. Его сферой была полемика, «литературные войны». Стихи Вяземского оценивались то выше, то ниже, в зависимости от их жанрово-прагматической направленности. Эпиграммы высоко ценились как полемический инструмент, другие же стихотворения становились объектом кружковой критики. Вяземский отдавал стихи на суд «ареопагу», но затем оспаривал правку и редко следовал ей (см. об этом, напр.: [Гинзбург: 40]; ответ Вяземского Пушкину по поводу «Нарвского водопада»: [Пушкин: 222–223]). Высоко оценены были только некоторые из его поэтических произведений: «Первый снег», «Уныние», «Петербург» — как мастерские стихи, а «Сравнение Петербурга с Москвой» и «Русский бог» — как чрезвычайно остроумные штуки¹.

Был короткий промежуток времени, когда Вяземский-поэт стоял почти наравне с Пушкиным (когда князь служил в Царстве Польском и когда сначала Н. И. Тургенев, а потом и А. И. Тургенев предлагали Вяземскому темы для стихов, от-

¹ Судьба произведений Вяземского в печати — отдельная историко-литературная проблема. Полемические, сатирические, «сюе-минутные» стихотворения Вяземского доходили до периодики, но первый сборник его стихов вышел только в 1862 г., к 50-летию литературной деятельности. Эта особенность литературной биографии князя нуждается в изучении. Мы пока можем предположить, что критика арзамасского «ареопага» влияла на эдиционные планы автора, (похвалы его стихам почти всегда сопровождались замечаниями и поправками).

мечая, что по плечу они только ему да Пушкину), сравнение распространялось при этом только на политические стихи. Последующие годы сняли вопрос о превосходстве, но соседство с Пушкиным и дальше играло важную роль в творческой судьбе Вяземского.

Как нам представляется, старший поэт в значительной степени обязан младшему своей историко-литературной репутацией и местом в «каноне». К числу «канонических стихотворений Вяземского» мы относим прежде всего те, которые были помянуты Пушкиным (элегии, несколько сатирических стихотворений). Каноническими стали те фрагменты, которые Пушкин процитировал (из «Первого снега», из послания Толстому-Американцу, в остальном совсем не памятного; из стихотворения «Станция» — в «Станционном смотрителе»). Другой «канонический» набор от Вяземского — «стихи о дружбе и ушедших друзьях, среди которых главный, конечно, Пушкин («Я пью за здоровье немногих...», «Я пережил и многое, и многих...»). Историко-литературная репутация Вяземского определяется присутствием в ней Пушкина².

Складываясь в таком виде она начинает еще при жизни поэта, причем далеко не всегда биографическая и творческая близость к Пушкину расценивается позитивно. Причины раздражения Ф. В. Булгарина в адрес Вяземского понятны, поэтому его оценки здесь можно не разбирать. Но резкие отзывы исходили и из других кругов. Через несколько лет после смерти Пушкина (1842 г.) в разговоре с А. И. Тургеневым князь И. С. Гагарин охарактеризовал Вяземского так: «Камергер Пушкина, теперь в отставке» [Азадовский, Осоват: 137].

² Несколько заостряя, можно сказать, что сначала Пушкин создал Вяземскому репутацию поэта-бонмотиста, мастера острых поэтических сентенций, позднее Вяземский выступил как историк литературной эпохи, в которой на первый план (благодаря ему) вышла борьба арзамасцев с литературными «староверами», позднее — с булгаринской компанией, а первое место на поэтическом небосклоне занял Пушкин (последнее произошло бы, очевидно, и без Вяземского, но он закладывал фундамент этого храма). То есть произошел, если можно так выразиться, «обмен репутациями».

А в конце 1870-х гг. И. С. Тургенев злобно заметил: «Из газет я вчера узнал, что и кн. П. А. Вяземский отошел, наконец, из сей жизни в вечную. Но тут особенно, кажется, жалеть нечего. — Прихвостень Пушкинской эпохи, прихвостень и при дворе, таким он останется в памяти потомства, если оно только будет помнить о нем» (цит. по: [Бельчиков: 19])³.

Слова Гагарина можно объяснить незнанием отношений между двумя поэтами — потому его собеседник считает нужным раскрыть их (см. продолжение записи у А. И. Тургенева: «Я объяснил ему и Вяземского о Пушкине и их отношения. Вяземский не поддавался ему; не во всем с ним соглашался, а спорил часто; напр<имер> за Польшу в Москве против Пушкина и Дениса Давыдова — соглашаясь со мною» — цит. по: [Азадовский, Осповат: 137]).

И. С. Тургенев в этом смысле интереснее. В своей реплике он уравнивал отношения Вяземского к пушкинской эпохе и ко двору даже синтаксически, и это позволяет интерпретировать ее. В поздние годы Вяземский постоянно появлялся в печати как историк пушкинской эпохи, публикатор архивных материалов, как автор мемуарных стихов о том времени, а с другой стороны — как певец различных событий в царской семье (практически придворный поэт). По отношению к «пушкинской эпохе» и ко двору Вяземский выступал, по мнению

³ Булгарин в альманахе «Комары. Всякая всячина. Рой первый» (СПб., 1842) представил Вяземского литературным неудачником: «У нас есть один пиит, которому все его сочинения обращаются в несчастье! Он написал самовар — и обжегся; написал тележку — и опрокинулся; написал проселочную дорогу и запутался. Наконец стал составлять жизнеописания великих людей и оказался мелким писателем!» Вяземский ответил Булгарину басней «Комар и клоп», см. о «Комарах» в письме В. А. Жуковскому от 25 ноября 1842 г.: «Они меня крепко задевают. Черт дернул меня стариною, и я ударил его хлопушкой». Стихотворение, предназначенное в «Москвитянин», не прошло цензуру; см. в письме С. П. Шевыреву от 16 октября 1842 г.: «Мой Комар, или мой Клоп, для печати, кажется, не годится, да и пора прошла. Комар народ не живучий, и теперь он уже без вести пропал».

И. С. Тургенева, в одинаковой функции, что унижало первую, неоправданно возвышало второй и безусловно компрометировало самого поэта.

Позволим себе еще одно предположение. Д. П. Ивинский уже отметил, что отрывки из записных книжек Вяземский печатал принципиально анонимно, при этом статьи и публикации архивных материалов шли за его подписью [Ивинский]. Например, в письме к издателю «Русского архива» П. А. Бартенева Вяземский писал (12 апреля 1872): «Я часто диктовал небрежно и даже неохотно, чтобы скорее дело с рук свалить. А потому еще более не хочу явиться перед публикою ответственным хроникером»; через год, 30 апреля/12 мая 1873 г., из-за границы: «Не желаю видеть имя мое в печати. Отсутствующему и больному как-то неловко вмешаться в толпу. Вероятно, многие меня узнают. Но это другое дело. Я все-таки остаюсь под защитой и неприкосновенностью маски» (цит. по: [Там же]).

Продолжим наблюдение Д. П. Ивинского. Мемуарный жанр в России переживал свое становление и развитие как раз в середине XIX в. Жанрообразующим компонентом мемуаристики было присутствие в повествовании автора, индивидуума, получившего право на высказывание. Личность мемуариста окрашивала рассказ о мелочах жизни, придавала ему цельность; в свою очередь, «повествуемая личность» обретала значимость, становясь центром повествования. Когда мемуаристика была еще достаточно нова как жанр, чувствительность читателя (особенно читателя искушенного, причастного литературным занятиям) к соблюдению жанровых норм оставалась довольно высокой, всякое нарушение почиталось недостатком.

Вяземский же действовал вопреки жанровым правилам (что вообще было ему свойственно). Его подпись под публикациями материалов и вступительные замечания формировали образ скромного собирателя подробностей былого (а ценность «былого» для публики была не априорной, в отличие от самого князя). В «записных книжках» он скрывал личность повествователя, фигурировал как аноним, *НН* — то есть лишал себя как мемуариста права на воспоминание. Поэтому репутация

«прихвостня эпохи» в определенной мере была заложена самой мемуарной тактикой Вяземского.

Такая тактика публикатора не была преднамеренно полемической по отношению к современности (хотя в целом позиция Вяземского была полемической). Фрагменты «записных книжек» печатались без подписи (сначала в «Вестнике Европы» в 1808–1810-м, затем «Выдержки из записной книжки» в альманахах и журналах в 1820-х) — что соответствовало литературному и журнальному этикету того времени. Печатаемая выдержка у Бартенева в 1860–70-е гг.⁴, Вяземский следовал старым правилам, так как считал их верными и вечными — но в новых условиях, в другую культурную эпоху анонимность мемуариста работала против него.

Вяземский по своему писательскому амплуа, по своей литературной тактике остался наследником прошлого века, буквальным архаистом. Его анонимность, его дилетантизм — из прошлого, а склонность к литературным дракам говорит о том, что для него традиция «кулачной полемики» XVIII в. не отжила.

В оценке культурных и литературных явлений Вяземский был также наследником рационального века: для него существовала единственная система координат, относительно которой и определялись ценности. Другое дело, что сама по себе эта система, установленная поэтом, была не вполне рациональна.

Писать *свою* историю *своей* эпохи Вяземский начал с конца 1830-х гг. — что получило отражение в статье «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина». Набросок писательского пантеона представлен уже там:

Я был в сношениях со многими, едва ли не со всеми современными литераторами нашими. Из впечатлений и следов, оставшихся на мне от разговоров с ними, глубже и плодоноснее врезалось слышанное мною от Карамзина, Дмитриева, Пушкина, Баратынского [Вяземский: II, 356].

⁴ «Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива» печатались в «Русском архиве» с 1866 г.

За этим следуют рассуждения о необходимости олигархического правления в «республике словесности». Как считает Вяземский, русская литература слишком молода, чтобы позволить ей безначалие. В свое время «литературное первенство» принадлежало Карамзину, после него — Пушкину (ср.: «Как тот, так и другой были наиболее влиятельными и господствующими писателями своих эпох» — в отношении Пушкина это утверждение князя, как нам представляется, пристрастно [Вяземский: II, 366]). Но после смерти Пушкина русская литература лишилась главы. Жуковского автор статьи вывел «за канаты», поднял над ристалищем современной литературы, где царят самозванцы и невежи. В самом тексте статьи имя Жуковского не названо, но уподобление Ахиллу не оставляло у читателя сомнений, о ком идет речь.

Так Вяземский обозначил вершины своего поэтического олимпа: во главе его стояли последовательно Карамзин и Пушкин, Жуковский, хотя и не был главой поэтов, но его влияние Вяземский признавал как неоспоримое и благотворное (в нравственном отношении, прежде всего).

Несколькими годами позднее, в 1850-м, на торжественном обеде, данном в Москве в честь возвращения поэта в Россию, Вяземский расширил список:

Я старый москвич, и вы во мне видите и приветствуете один из уцелевших обломков старой, т.е. допожарной, Москвы <...> В области литературы я также для вас живое предание. <...> Незначительное имя мое богато обставлено именами, дорогими вашему сердцу и памяти народной. Чувствую, что приветствуете вы во мне не столько мои литературные заслуги, сколько мои литературные связи. Я был питомцем *Карамзина* <...>. *Нелединский*, *Дмитриев* также ласкали меня, отроком, в доме отца моего. <...> На дружеских и веселых пирах обменивались мы с *Денисом Давыдовым* рифмами и бокалами. Я не дожил еще до глубокой старости, но грустно уже пережил многих друзей, многие литературные поколения. *Пушкин*, *Баратынский*, *Языков* возросли, созрели, прославились и сошли в могилу при мне. Во мне приветствуете вы старейшего друга еще живого, но, к сожалению, давно умолкшего *Батюшкова*! Созвездие этих блестящих имен проливает некоторый блеск и на меня [Там же: 410–411].

Эти имена и далее будут повторяться в поминальных стихах Вяземского. Почти всем упомянутым литераторам Вяземский посвятил стихи «на память», все имена будут встречаться (и не однократно) в мемориальных текстах. В процитированном фрагменте видна та самая «скромная» позиция Вяземского, которая вызывала раздражение современников (в некоторой степени она была данью риторике, но далеко не полностью).

Первое треническое стихотворение о поэте — «На память» (1837). Можно сказать, что после этого стихотворения поэтическая тематика Вяземского заметно изменилась. Пессимистические медитации с темой старения и ухода постепенно отвоевывали пространство у традиционных жанров (Вяземский не писал более элегий и гораздо меньше посланий, вторые отличались при этом от более ранних посланий Вяземского). Инициальное стихотворение в этом роде — «Я пережил и многое, и многих...» (1837), в котором отразилось настроение после смерти Пушкина и Дмитриева. В его сплошной земледельческой метафорике можно отметить влияние «Осени» Баратынского. Сходный образный ряд в медитативно-треническом «Раздумье» (1845):

Уж не за мной ли дело стало?
Не мне ль пробьет отбой и с жизненной бразды
Не мне ль придется снести шалаш мой и орало
И хладным сном заснуть до утренней звезды?

[Вяземский: VI, 281]

Предвкушение собственной смерти, ожидание ее станет одним из постоянных мотивов Вяземского поздних лет (в стихах последних лет ожидание будет выражено почти эмфатически).

После смерти Пушкина лирический герой Вяземского резко «постарел». Пространством истинного существования поэт объявил прошлое. В настоящем его лирическому герою нет места, настоящее целиком захвачено «новым поколением», чуждым всему прекрасному; ср. в «Старом поколении» (1841): «И все, что пепел нам священный, для вас одна немая пыль».

В 1838 г. было опубликовано стихотворение памяти не поэта, но художника — «Памяти живописца Орловского»⁵; с характерной для Вяземского сюжетно-смысловой конструкцией: загробный адресат представлял некоторые идеальные культурные комплексы, которые с его смертью отошли в прошлое, воспоминание о покойном становилось поводом для оплакивания ушедшей эпохи (и идеалов), а лирический герой (один из ее немногочисленных уцелевших насельников) пытается хранить память о ней. («Грустно видеть, Русь святая, / Как в степенные года / Наших предков удаляя / Изнемечилась езда»; «Грустно видеть, воля ваша, / Как у прозы под замком / Поэтическая чаша / Высыхает с каждым днем»⁶).

Время создания стихотворения окончательно не определено, между 1832 и 1837-м годами. Можно предположить, что дополнительным поводом для создания стихотворения послужило строительство Царскосельской железной дороги. Она была заложена в 1836, в 1837 началось регулярное сообщение, а весной 1838-го дорога целиком перешла на паровую тягу. «Своеволье душегубки-новизны» наводит Вяземского на сожаления о «раздолье молодецкой старины», маркированное в данном случае именем Орловского. У стихотворения «Памяти Орловского», как нам представляется, двойная адресация, «случай», давший повод для создания его, двоякий: современное явление наводит поэта на мысли о славном прошлом, и пишется стихотворение, обращенное к этому персонифицированному прошлому. Временная дистанция между смертью адресата и поэтическим откликом на нее примечательна — у Вяземского такое будет встречаться и далее.

⁵ А. О. Орловский (1777–1832) — баталист и автор «жанровых» акварелей. В Петербурге он был знаком с Вяземским, Пушкиным, Давыдовым, был иллюстратором басен Крылова.

⁶ Стоит отметить воздействие на сюжетную конструкцию стихотворения Вяземского пушкинской «Зимней дороги»: «то разгулье удалое, то сердечная тоска» отзываются в оксюморонном выражении «молодецкая тоска».

Орловский, кроме батальных сцен, любил рисовать лошадей, всадников, бега и т.п. — и Вяземский вспомнил его жанровые картинки на такие сюжеты, вроде «Бегов на Неве» и «Лихача». Уравнивая поэта и живописца («Но спасибо, наш кудесник, живописец и поэт»), поэт сам написал картину русской жизни в лубочных тонах⁷. Немало способствует такой окраске выбор размера — четырехстопного хорей. Его «плясочное» звучание не вступало в противоречие с содержанием: стихотворение посвящено «памяти», но Орловский появляется в самом конце и не как объект печальных дум и сожаления (поэт благодарит его за картинку и обещает, глядя на них, «творить в душе поминки по тебе, да и по нас!»).

Такое же сочетание размера и поминальной темы появится снова в 1853 г. в стихотворении «Поминки» [Вяземский: XI, 8–21]. По сути это цикл стихотворений: в каждой части появляется свой герой (Языков, Гоголь, Жуковский, Дельвиг, Алексей Перовский, Пушкин). В этом ряду стихотворений интересно многое. Во-первых, скорбный список начинается с Языкова, умершего за семь лет до того, а не с Жуковского и Гоголя, ушедших недавно. Во-вторых, интересно новое появление хорей в сопряжении с треническим сюжетом. В-третьих, из шести стихотворений Вяземский напечатал только одно — о Гоголе, другие были опубликованы только в собрании сочинений после смерти автора. Причины, по которым цикл остался в рукописи, нуждаются в дополнительном исследовании. Мы обратимся к другим вопросам.

В начале 1853 г. Вяземский выехал на лечение в Европу, где был поражен некачественностью немецкой зимы — о чем написал стихотворение «Масляница на чужой стороне» [Там же: 3–7]:

Здравствуй, русская молодка,
Раскрасавица-душа,

⁷ Ср. отзыв Шевырева: «Ваш поэтический эскиз в стиле Орловского мы повторяем наизусть. Это — песня-картинка. Вы перевели на стихи гениальный карандаш его» (цит. по: [Кумпан: 500]).

Белоснежная лебедка,
Здравствуй, матушка зима!
Из-за льдистого Урала
Как сюда ты невзначай,
Как, родная, ты попала
В бусурманский этот край?
Здесь ты, сирая, не дома,
Здесь тебе не по нутру;
Нет приличного приема
И народ не на юру.

В стихотворении сошлись вместе четырехстопный хорей, образы русской зимы и соответствующих народных забав, вроде поездок в санях с девицами и распития «рьяного винца», антинемецкая риторика (порча истинно русских забав)⁸:

Сани здесь — подобной дряни
Не видал я на веку;
Стыдно сесть в чужие сани
Коренному русаку.

Этот многокомпонентный состав напоминает как о стихотворении «Памяти Орловского», так и о поэзии Н. М. Языкова, особенно поздней — с ее русофильством и антинемецкими эскападами (напр., в стихотворении «К стихам моим», написанном четырехстопным хореем, упомянут и мороз [Языков: 351–352]; в послании к Гоголю появляется «немец жидконогий», чье падение так развлекло лирического героя [Там же: 375–376]). Поэтому можно предположить, что непосредственным поводом для поэтических поминок Вяземского стали не реальные события (смерть Языкова), а «память поэтической формы». Параллель с стихотворением «Памяти Орловского» (актуальная ситуация как повод для стихотворения «памя-

⁸ В качестве параллели стоит упомянуть стихотворение «Русский снег в Париже» И. П. Мятлева (1839). Явная сюжетная близость этого стихотворения и «Масляницы...» Вяземского позволяет поставить вопрос о возможном существовании поэтического топоса.

ти НН»), как представляется, подтверждает такое наше предположение.

Вяземский, попав в чужие края, предался, как Языков, задорному русофильству, которое у него уже появлялось в хореических стихах и связывалось с темой печальных воспоминаний. Вслед за «Масляницей...» начались поминки по тем, чьи имена выплыли первыми, ассоциативно: по Языкову, певцу «складки русской, краски местной», и Гоголю, которому Языков адресовал свое зимнее послание. За Гоголем последовал Жуковский, умерший всего пару месяцев спустя после него.

Появление А. А. Дельвига (не «отпетого» Вяземским сразу в 1831 г.) — возможно, происходит по ассоциации с Языковым, которого оценил первым из пушкинского круга именно Дельвиг. Кроме того, Дельвиг описан и как певец «посиделок юных дев» — очевидно, при этом подразумевались его песенные стилизации — что можно расценить как еще один возможный путь ассоциации с Языковым: молодой поэт, писавший «народные песни» и безвременно погибший⁹.

А. Перовский, умерший в 1836-м и также не помянутый другом-Вяземским в стихах, появляется в «Поминках» по ассоциации с кругом Пушкина – Вяземского – Дельвига, т.е. с кругом «Литературной газеты», где публиковался его роман «Монастырка», упоминание которого завершает стихотворение.

Наконец, последним в цикле стоит стихотворение о Пушкине. Появление его неизбежно, в объяснениях не нуждается (стихотворение, однако, не окончено). В нем стоит отметить развернутую тему «екатерининского века», близкую Вяземскому, но тут работающую дополнительно на построение литературной генеалогии. Пушкин объявлен наследником века Екатерины II — по державинской линии. Жуковский назван «братом» Пушкина, а Карамзин представлен его «опекуном».

⁹ Дельвиг не был «певцом русской зимы», напротив — и вот именно зима появляется как контрастный мотив в стихотворной загадке Пушкина о Дельвиге: «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?».

Включение Языкова усложняло генеалогию: Вяземский назвал его крестником Пушкина и правнуком Державина.

Так, согласно нашим предположениям, возникает цикл «Поминки»: совпадение биографической ситуации и память о стихах Языкова задают сюжет и ритм «Масляницы на чужой стороне», она наводит на воспоминание о покойном поэте, которое продолжается — благодаря возникающим ассоциациям и стихотворческой инерции — воспоминаниями о других ушедших участниках дружеского круга. Объемный текст, видимо, закрепил ассоциацию размера и темы. В 1869 г. у Вяземского опять появился четырехстопный хорей в связи с мемуарной темой — в «Поминках по Бородинской битве». Это стихотворение до сих пор не было прокомментировано¹⁰. Мы пока отметим только повторение сочетания размера, мемуарной темы и «поминального списка» (в данном случае редуцированного). Эта модель построения поэтического текста работала у Вяземского и вне связи с поэтическим «пантеоном писателей».

В дальнейшем ряд писателей, помянутых в цикле 1853 г., будет реплицироваться, преимущественно с сокращениями. В «Литературной исповеди» 1854 г. [Вяземский: XI, 166–172] Вяземский представил арзамасский поэтический ареопаг (Жуковский, Батюшков, Баратынский, Пушкин среди них — последний, но главный). Первым потерялся Баратынский, затем реже стал упоминаться Батюшков (но в «Заметках» 1874 г. он стоял рядом с Жуковским и Пушкиным). Образ Жуковского

¹⁰ Сразу можно отметить перспективность интертекстуального поиска. Тема Отечественной войны 1812 г. для Вяземского имела личное значение, и первичным литературным кодом для нее был, конечно, «Певец во стане...» В. А. Жуковского. Появление романа «Война и мир» вызвало печатный ответ Вяземского (довольно напряженный), он был недоволен Толстым-историком. И в стихотворении о Бородине, как нам представляется, эти литературные влияния (из прошлого и современное) прочитываются.

Указанием на значимость в этом сюжете толстовского романа мы обязаны Р. Г. Лейбову, которому приносим здесь благодарность.

изменился: в глазах Вяземского он был прежде всего уже не поэт, но «блага проповедник» и «блага образец».

В позднейших мемориальных стихах поэты будут появляться у Вяземского благодаря локальным ассоциациям: как он вспомнил о Языкове, путешествуя зимой по немецким землям (и составились «Поминки»), так визит в Зонненштейн вызвал в памяти Батюшкова, долго там лечившегося («Зонненштейн», 1853); а приезд в Баден-Баден оживил воспоминания о Жуковском («Баденские воспоминания», 1854; «Баден-Баден», 1855). Показательны топонимические заглавия упомянутых текстов. Во Франции в 1853 г. Вяземский написал стихотворение памяти Давыдова, которое присоединил к посланию («Икалось ли тебе, Давыдов...»), написанному в Эперне в 1839 г., незадолго до получения известия о смерти поэта-гусара, итоговое название стихотворения, состоящего из послания и «поминок» — «Эперне» [Вяземский: IV, 229–233].

Себя Вяземский тоже включает в число поминаемых. Как мы указали выше, в сюжетном пространстве его позднего творчества появляется предвкушение собственной смерти. Это был уже не элегический юноша-поэт, который видит в мечтаниях свою могилу. Автор действительно стар (физически, как и душевно), и смерть, о которой он пишет, уже не поэтическая условность. Но совмещение торжественной интонации и падающих в текст реалий создает почти комический эффект:

Одно сокровище, одну святыню
С благоговением я берегу,
За этим кладом я ходил в пустыню
И ночевал на дальнем берегу.
<...>
И помню я, паломник недостойный,
Святых чудес заветные места,
Тот свод небес, безоблачный и знойный,
Тот вечный град бессмертного креста.
И память эта не умрет со мною:
Мой биограф, — быть может, Шевырев,
Меня, давно забытого молвою,
Напомнит вновь вниманью земляков [Там же: XI, 50].

12 июля 1854 г., в день своего рождения Вяземский вновь обратился к этому сюжету — «забытый смертью гость на жизненном пиру» («Не думал я дожить до нынешнего дня, / казалось мне, что смерть уж сторожит меня, / Что тут же должника просрочившего схватит...»). Здесь появляются опять Карамзин и Жуковский: поэт сетует, что не пошел за ними к «благой цели»:

Я мог бы, двух вождей своих послушник строгий
 В победе над собой и жизнью, как они
 Обогащать плодом возделанные дни,
 И совесть не боясь встревожить и ужалить,
 Сказать: мой кончен путь! и к пристани причалить
 [Вяземский: XI, 132].

Окончательная идеализация стала основной тенденцией мемуарно-поминальной темы у Вяземского. Вместо писателей и поэтического «ареопага» появляются «духовные вожди», а так как не все годятся на их роль, то сокращается число поминаемых: в конечном итоге остались Карамзин и Пушкин, причем последнему были приданы не менее возвышенно-идеальные черты, чем первому.

Их имена Вяземский использовал преимущественно в стихотворных фельетонах и заметках 60-х гг. (как орудие в полемике). Основной массив мемориальных стихотворений приходится на конец 30-х – первую половину 50-х гг. После 1855 г. число их значительно снижается, что можно связать с возвращением Вяземского к службе (занятый и признанный, он несколько отходит от поэтических воспоминаний)¹¹. Новый

¹¹ Еще одни поэтические поминки — с перечнем поэтов — он написал около 1864 г.:

Дельвиг, Пушкин, Баратынский,
 Русской музы близнецы,
 С бородою Бородинской
 Завербованный в певцы,
 Ты, наездник, ты, гуляка,
 А подчас и Жомини,
 Сочетавший песнь бивака
 С песнью нежного Парни!

всплеск мемуарных публикаций относится во второй половине 60-х, когда Вяземский вновь оказался свободен от служебных обязанностей.

Особенно стоит выделить 1866 год, важный для князя Вяземского по своему мемориальному значению. В этом году умер П. А. Плетнев, чья кончина была отмечена двойной публикацией поэта-мемуариста: в сборнике под редакцией М. П. Погодина «Утро» (1866 г., первый том) были напечатаны статья «Памяти П. А. Плетнева» и стихотворение-посвящение (к собранию стихотворений) «Ф. И. Тютчеву и П. А. Плетневу». Еще более существенным событием был отмеченный в том же году 100-летний юбилей Карамзина (на торжественном заседании было прочитано стихотворение Вяземского «Тому сто лет», панегирик, в котором историограф был окончательно канонизирован). Стихотворение, опубликованное в сборнике «Утро», было написано еще в 1864 г., до смерти Плетнева. Адресаты послания в нем представлены «спутниками той счастливой плеяды», к которой некогда принадлежал автор. Хотя сами они не были ее частью, с ними только и может разделить поэт память о былом — своем собственном и своего круга:

Вам, сохранившим вкус, сочувствия и взгляды,
В которых наш кружок возрос и возмужал,
Вам я без робости, но и не самохвально
Доверчиво несуд тетрадь моих стихов.

Ты, Языков простодушный,
Наш заволжский соловей...

В 1877 г. в четвертом выпуске «Русского архива» было напечатано последнее стихотворение из «поминального цикла» — «Когда, в час сумерек, перечислять мы станем...». Это своего рода поэтическая загадка: длинное, в манере позднего Вяземского, описание личности и жизни графа М. Ю. Виельгорского, скончавшегося за 10 лет до того. Хотя Виельгорский не был поэтом («Он был поэт, хотя стихов не сочинял»), он вписан Вяземским в «свой круг» и помещен рядом с первыми поэтами: «Он старостою был, душой и запевалом / Бесед аттических и дружеских трапез; / С Жуковским чокался он пенистым бокалом, / И с Пушкиным в карман он за словом не лез...» [Вяземский: XII, 537].

<...>

Писал не для молвы, писал я на безлюдьи,
 Читателей моих круг страшно поредел:
 Жуковский с Пушкиным мои бывали судьи;
 Я старых потерял, а новых не обрел.
 Но вы остались мне, в вас память их живая,
 Вы публика моя, вы мой Ареопаг... [Утро: 157–158].

В статье, предшествующей в сборнике стихотворному посвящению, Вяземский яснее означил роль Плетнева: утрата его была последней в ряду дружеских потерь, и она оставила мемуариста уже совершенно «нищим» [Там же: 152–154]. Вяземский описывает Плетнева 20-х как «приятеля Жуковского и друга Пушкина, Дельвига, Баратынского» [Там же], здесь мы видим тот же ряд имен, что и в стихотворении «Поминки»: «Дельвиг, Пушкин, Баратынский — русской музы близнецы» (см. выше прим. 11). Тютчев, хотя и стал одним из адресатов посвящения, относился уже к другому поколению: «С Плетневым лишился я последнего собеседника о *делах минувших лет* <...> Нет уже пайщика в памяти моей. <...> Тютчев не принадлежит к первоначальной нашей старине. Он позднее к ней примкнул» [Там же: 155, 157]. Таким образом, после смерти своего «последнего собеседника» Вяземский оказывался «последним летописцем» ушедшей эпохи, последним носителем памяти о ней — и носителем правдивой памяти, как ему представлялось. Эта роль позволяла Вяземскому с высоты карамзинско-пушкинской эпохи судить современность.

На битву с «рекрутами Белинского»¹² в 1860-е Вяземский вышел под знаменем, на котором было два имени — Карамзина и Пушкина (ср. в юбилейном стихотворении о Карамзине «Тому сто лет»: «Он чистотой души и слога / Был, есть и будет образец» [Вяземский: XII, 280]. Очерченный в стихах конца 1830-х – первой половины 50-х писательский пантеон сократился до пары «литературных вождей». Вяземский, по

¹² Формула из стихотворения 1874 г. «По поводу новых приобретений русского языка» (в составе «Заметок», опубликованных в феврале 1875 г. в «Гражданине»).

меньшей мере, в своих мемориальных стихах вернул русской «республике словесности» монархическое правление. Эта концепция, хотя и вызвала неприятие современников, оказалась впоследствии очень влиятельной. В том числе она сформировала и репутацию самого ее сочинителя, П. А. Вяземского.

ЛИТЕРАТУРА

- Вяземский: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1878–1896.
- Пушкин: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 16 т. Т. XIII: Переписка, 1815–1827. М.; Л., 1937.
- Утро: Утро, литературный и политический сборник, издаваемый М. Погодиным. М., 1866.
- Языков: *Языков Н. М.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964.
- Азадовский, Осоват: *Азадовский К. М., Осоват А. Л.* Из дневников и писем А. И. Тургенева (Уточнения к публикациям) // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. Вып. 21.
- Бельчиков: *Бельчиков Н. Ф.* Тургенев и Вяземский. 1. История личных отношений. 2. Письма Тургенева // Документы по истории литературы и общественности. Вып. 2: И. С. Тургенев. М.; Пг., 1923.
- Гинзбург: *Гинзбург Л. Я.* П. А. Вяземский [вступ. ст.] // Вяземский П. А. Стихотворения. М., 1985.
- Ивинский: *Ивинский Д. П.* Князь Вяземский: литература и жизнь // Слово: православный образовательный портал http://www.portal-slovo.ru/philology/37126.php?ELEMENT_ID=37126&PAGEN_2=2&PRINT=Y [07.11.2010]
- Кумпан: *Кумпан К. А.* [Примечания] // Вяземский П. А. Стихотворения. М., 1985.